

К. И. КОВАЛЬ

<Переговоры Н. С. Хрущева с Мао Цзэдуном в 1954 г. в Пекине>

<Фрагмент>

<...> В начале 1954 г. Чжоу Эньлай, возвращаясь из Парижа в Пекин, сделал краткую остановку в Москве и встретился с Н. С. Хрущевым. Через день Хрущев вызвал к себе Микояна и меня и попросил подробно доложить ему о ходе переговоров с китайской делегацией. Перед тем как заслушать нас, он сообщил, что Чжоу Эньлай попросил его ускорить переговоры о широко-масштабной помощи в строительстве в КНР объектов тяжелой промышленности.

Чжоу Эньлай информировал его, что делегация КНР, возглавляемая Ли Фучунем, уже проделала с советскими организациями большую работу. Однако по политическим соображениям очень важно было бы ускорить подготовку соглашений к подписанию, так как 30 сентября 1954 г. в КНР начнется празднование пятилетия ее образования¹. Намечается пригласить на это важнейшее для китайского народа событие делегации, возглавляемые главами ряда государств, и прежде всего делегацию СССР. Китайское руководство считало подписание до или во время визита на высшем уровне экономического соглашения, а также соглашения о передаче КНР Дальнего, Порт-Артура и КЧЖД, политически исключительно важным².

Судя по тону Н. С. Хрущева, в результате беседы с Чжоу Эньлаем, в которой никто из советских экономических экспертов не участвовал, у него сложилось мнение, что не китайская сторона, а мы с Микояном тормозим экономические решения. Мы также почувствовали: китайский гость проездом сумел создать у нового советского руководителя впечатление, что вопрос об огромной помощи КНР в кратчайшие сроки был уже решен еще его предшественником — не о переговорах, не в принципе, а в полном объеме

и во всей сложнейшей конкретике. Чжоу Энлай, видимо, тут же получил от Хрущева заверения в выполнении советской стороной обязательств, которых на самом деле она еще не взяла.

Тут только мы с Микояном поняли смысл устной дипломатии Ли Фучуня, его расчет на волевое политическое решение весьма сложных для экономики СССР, технически еще не проработанных вопросов. Н. С. Хрущев принял решение, видя только внешнеполитическое значение дела, но абсолютно не ориентируясь ни в его масштабах, ни в иных трудностях и проблемах. Мы же еще не имели на руках ни заявок китайской стороны, ни других документов, ни письменных расчетов, и могли противопоставить словам Хрущева только слова. Искушенный А. И. Микоян ввиду этого в основном отмалчивался.

Так началось первое рассмотрение проблем экономических отношений с КНР Н. С. Хрущевым. Настроен он был очень решительно, останавливался чуть ли не на каждом объекте и отвергал почти все доводы, касавшиеся возможных срывов при реализации или их последствий для отечественной экономики. Большой интерес он проявил к уникальному проекту строительства моста через реку Янцзы. Особый энтузиазм вызвал у него план строительства железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата и организации между СССР и Китаем прямого сообщения. Эту магистраль называли тогда Москва — Пекин.

По ходу обсуждения я вновь и вновь обращал внимание Первого секретаря на ограниченность возможностей отечественного тяжелого машиностроения. Мои аргументы все более раздражали Хрущева, и он всякий раз резко и необоснованно отклонял их, явно уже предрешив для себя вопрос о том, что он возглавит в сентябре делегацию Советского Союза на праздновании пятилетия КНР, где выступит с большой программой развития советско-китайских связей.

То, что Хрущев — человек, легко загорающийся новым делом, очень энергичный и упрямый, я знал. Но он, оказалось, не умел выслушивать контраргументы и не терпел тех, кто их высказывал. Уже после первой беседы с ним я понял, что мои замечания по существу дела обойдутся мне дорого.

В итоге мы с А. И. Микояном уяснили, что у Н. С. Хрущева существует личный план переговоров с КНР, причем широко-масштабного плана, с заключением экономического соглашения с КНР об обширной программе советской помощи в строительстве в Китае примерно 140 крупных предприятий тяжелой и оборонной промышленности по советским проектам и технологии и на базе советского капитального оборудования, с предостав-

лением весьма льготных кредитов. Предполагались соглашения о научно-техническом сотрудничестве между обеими странами во всех отраслях народного хозяйства, включая согласие СССР участвовать в становлении ядерной физики в Китае и поставки для этих целей опытного атомного реактора; о развитии линий сообщения между СССР и КНР путем строительства железных дорог Алма-Ата — Урумчи — Ланьчжоу (Москва-Пекин) и, кроме того, железной дороги на территории КНР и МНР до Улан-Батора, которая будет соединена с железной дорогой, идущей от Улан-Батора до советской территории; об окончательной и практически безвозмездной передаче китайской стороне КЧЖД и военно-морской базы Порт-Артур, а также смешанных советско-китайских акционерных обществ.

Хрущев считал, что наше обсуждение, более похожее на его монолог, закончено. Но тут я попытался еще раз как бы подытожить сказанное: итак, нам предстоит включить в Генеральное соглашение 22 крупных завода черной и цветной металлургии, 23 шахты и других угольных предприятия, в том числе два разреза для добычи угля и сланцев с тяжелым уникальным оборудованием, 11 химических заводов большой производительности и 31 тепловую и гидроэлектростанцию. Эти объекты являются центральным вопросом соглашения и его основой.

Я доложил предварительные наброски об объемах поставок, потребных для этих объектов — доменного, сталеплавильного, прокатного и иного металлургического оборудования, крупных, большой мощности шахтных машин и тяжелого уникального оборудования для угольного и сланцевого разрезов, тогда в СССР еще вовсе не изготавливавшегося, а также специального химического оборудования, которого мы сами толком не имели, и, наконец, паровых и гидравлических турбин и котлоагрегатов.

Сообщил также Первому секретарю, что все это оборудование являлось остродефицитной номенклатурой Министерства тяжелого машиностроения СССР и в таких объемах не могло быть принято к производству с учетом запланированных поставок для народного хозяйства СССР. Реэкспорт такого оборудования я также оценил как весьма проблематичный.

Хрущев испепелял меня уничтожающим взором. Было ясно, что он уже навсегда занес меня в список своих противников, поскольку данная мною оценка наших возможностей поставок в Китай капитального оборудования в те годы, когда полным ходом шло восстановление советской промышленности, не позволяла удовлетворить все запросы правительства КНР и рушило созревшую у Хрущева программу задуманного им визита в Пекин.

По глазам Хрущева я видел, что он сейчас же снимет меня с работы. В кабинете на некоторое время воцарилась тишина — Н. С. Хрущев угрюмо обдумывал свой вердикт.

Спас меня мастер компромисса А. И. Микоян. Он сказал: «Все же, может быть, следует прислушаться к Ковалю. Ведь он, как мне известно, 20 лет проработал в системе тяжелого машиностроения, 10 лет на ведущих заводах и 10 лет заместителем министра. Кроме того, он 5 лет работал в Германии (в советской зоне, теперешней ГДР) заместителем Главноначальствующего СВАГ³. Обеспечивал после второй мировой войны выполнение германских репараций, содержанием которых являлось, главным образом, капитальное оборудование. Поэтому ему нельзя отказать в знании возможностей для поставки в Китай необходимого оборудования».

«Так что же делать?» — спросил Хрущев. Микоян рекомендовал договориться с Ли Фучунем и его специалистами о том, что часть поставок оборудования будет осуществлена после 1960 г., как, например, для металлургического комбината с полным металлургическим циклом в Баотоу, мощностью по стали более 3,5 млн. т. Огромный комбинат предполагалось строить в пустыне Гоби, что требовало совершенных строительных средств, опыта, времени и предварительного освоения рудных ресурсов.

Микоян считал, что такой ход подготовки экономического соглашения не уменьшит в своей основе его значения, не повлияет на намечаемые планы индустриализации Китая и эта тема прозвучит в выступлениях советской делегации на пятилетнем юбилее КНР так, как этого хотелось Н. С. Хрущеву.

Хрущев повеселел и признал, что решение вопроса найдено. Он дал задание форсировать переговоры с тем, чтобы по возможности скорее рассмотреть на Президиуме ЦК КПСС и в Совете Министров СССР проекты соглашений с КНР. Микоян попросил его дать указание МИД СССР принять участие в подготовке экономических соглашений, имеющих столь важное политическое значение. На этот раз «вызов на ковер» к Первому секретарю ЦК КПСС счастливо закончился, но у меня в душе остался тяжелый осадок от увиденного мною непонимания и неприятия Хрущевым веских экономических аргументов, со всеми вытекавшими отсюда последствиями для тех, кто их высказывал.

От Хрущева мы перешли, здесь же в Кремле, в кабинет Микояна, где обменялись мнениями о результатах обсуждения китайских дел. Я от всей души поблагодарил Анастаса Ивановича за еще один жизненный урок. «Жизнь и этот стул в Кремле многому научат, — грустно похлопал он по стулу, — но надо быть человеком дела и много работать над собой. На сегодня все. Постарайся сделать

памятку по сегодняшней встрече с Хрущевым и подготовить план дальнейших переговоров с делегацией Ли Фучуня и с участием министров заинтересованных министерств».

У меня в МВТ СССР⁴ был замечательный секретариат, в котором работали две очень хорошие стенографистки. Вернувшись из Кремля к себе, я тут же надиктовал им содержание многочасового разговора, и утром памятка о встрече с Хрущевым и план дальнейших переговоров с китайской стороной с участием министров заинтересованных министерств лежали у меня на столе.

Атмосфера наших переговоров с Ли Фучунем и отношение к ним министерств и ведомств резко переменялись. Ли Фучунь стал приносить документы папками, потом и портфелями. Наши министры являлись на переговоры по первому звонку: Хрущев однозначно дал понять всем членам Президиума ЦК КПСС, что Советский Союз и Китай накануне важнейшей встречи на высшем уровне и что эта встреча не может ограничиться только политическими декларациями, заявлениями и дипломатическим протоколом — нужна экономическая основа, которая поможет укрепить союз и дружбу, развивать теснейшее сотрудничество двух стран в политической, экономической, культурной, военной и других областях.

А. И. Микоян собирал совещания руководства министерств, участвовавших в переговорах с делегацией Ли Фучуня, на которых были всесторонне рассмотрены и изучены торгово-политические и правовые вопросы, кредитные возможности и другие связанные с этим сложнейшие хозяйственные проблемы. От МИД СССР и его служб за эту работу отвечал член Коллегии МИД Н. Т. Федоренко, работавший в Китае, хорошо знавший страну и ее народ. Он лично внес важный вклад в подготовку визита на высшем уровне, нашел и подсказал правильное решение многих серьезных вопросов, обеспечивающих защиту интересов СССР. В той, естественно, степени, в какой это было возможно в обстановке экономически неоправданной эйфории и политических подстегиваний «сверху».

А. И. Микоян «за чашкой чая» с Ли Фучунем с большим тактом дал понять собеседнику, что в соглашениях не может присутствовать «даже привкус» того, что предложения о строительстве предприятий в КНР исходят от советской стороны. «Индустриализация КНР есть прежде всего дело китайское», — подчеркнул Микоян. Он настоятельно просил изменить тактику китайской дипломатии. Ли Фучунь, как уже отмечалось, сделал соответствующие выводы. Его сотрудники с головой ушли в работу.

Наверно, нет надобности шире освещать ход дальнейших переговоров и подготовки соглашений. Объем вопросов был настолько велик, что потребовались целые тома, прежде чем подготовить

их в более или менее окончательном виде для парафирования. Если взять эти соглашения со всеми техническими и прочими приложениями, то будет целая библиотека.

Последнее обсуждение на Президиуме ЦК КПСС окончательных вариантов соглашений между СССР и КНР и других относящихся к ним документов состоялось перед вылетом в Китай в сентябре 1954 г. партийно-правительственной делегации СССР во главе с Н. С. Хрущевым. Вылет назначили на 27 сентября, а у рабочей части делегации, как у студента перед экзаменом, 25 сентября все еще круглосуточно кипела работа над окончательными правками текстов и учетом бесконечных последних замечаний. Докучали и работники газет, желавшие заранее получить готовые гранки с текстами.

Вечером 25 сентября А. И. Микоян еще раз внимательно прочел все проекты соглашений и других документов, которые накануне обсуждались на Президиуме ЦК КПСС и которые должны были стать предметом переговоров в Пекине. Потом он еще раз спросил меня и В. В. Смоляниченко, своего помощника, все ли замечания членов Президиума ЦК КПСС учтены, сличил со своими пометками. Мы ответили утвердительно.

Наступила долгая пауза. Помолчав, Микоян доложил по телефону Хрущеву: «Я внимательно, от корки до корки, прочел все документы, которые подготовлены для обсуждения в Китае. В них отражены все замечания, имевшие место на вчерашнем заседании Президиума ЦК. Документы окончательно отпечатаны. До отлета остается всего ничего. Вряд ли целесообразно собирать еще раз Президиум. Давай, ты первым, я вторым проголосуем "а" и Коваль объедет всех остальных членов Президиума, доложит о внесенных поправках и попросит сделать то же, что сделали и мы, — то есть проголосовать. Надо только мне или тебе позвонить каждому из членов Президиума». Хрущев согласился. «Бери документы и иди к нему, — сказал мне Микоян. — Потом вернешься, я проголосую и буду всем звонить, чтобы они принимали тебя и тоже проголосовали. Ни пуха ни пера. Иди». От Хрущева я вернулся быстро. Он хорошо был знаком с проектами соглашений и другими подготовленными документами для переговоров в Пекине. Задав несколько вопросов по поправкам, начертал: «За. Н. Хрущев».

Очередность объезда установил сам А. И. Микоян. «По ходу голосования будешь звонить мне. К Ворошилову — к последнему. Он на даче, постарел и сейчас мало активен — вряд ли будут какие-либо замечания».

Мой объезд длился довольно долго. Все члены Президиума ЦК очень внимательно читали документы, отмечали их весомость

и значение для советско-китайской дружбы и сотрудничества. Крупно, как это сделали Хрущев и Микоян, писали «за» и подписывали.

Около 12 ночи я доложил по телефону Микояну, что все, кроме К. Е. Ворошилова, проголосовали, и спросил, следует ли сегодня же ехать на дачу к Ворошилову, так как время позднее. «Поезжай, он ждет. Такие дела нельзя оставлять незаконченными на завтра», — распорядился Микоян.

Ворошилов встретил меня в вестибюле в пижаме, проворчав что-то невнятно, забрал папку с документами, буркнул: «Сиди и читай газеты, а я буду читать все, что приготовлено для Пекина», — и удалился.

Читал он около часа. Вышел, возвратил папку и заявил: «Доложи Микояну, что я против», — и ушел спать. Я тут же по «вертушке» позвонил Микояну и доложил об отказе Ворошилова. «Не может быть, — изумился Микоян. — Срочно ко мне, я еще в Кремле».

Когда я зашел в кабинет Микояна, Хрущев был уже информирован и дал задание в 11 утра на следующий день собрать Президиум. Мне поручил доложить на Президиуме, как шло голосование, и сообщить о возражениях Ворошилова.

Назавтра ровно в 11 все члены Президиума ЦК были в сборе. Когда меня пригласили в зал, Хрущев с ходу приказал доложить, как шло голосование и чем оно закончилось у Ворошилова. Я сделал короткое сообщение. Ворошилов, выслушав, кивнул головой в знак того, что я рассказал все как было.

Затем взял слово Хрущев. «Клим, что же ты, — как будто бы обо всем договорились, а теперь, перед отлетом в Пекин, ты заупрямился и выступи против. Так нельзя. В чем дело и против чего ты возражаешь?»

Ответ Ворошилова был короток: «Прежде всего, разрешите мне поблагодарить партию и ее ЦК за то, что теперь не арестовывают и не сажают в тюрьму за особое мнение и можно свободно говорить то, что думаешь. А я думаю, что нашему народу не под силу сейчас, когда еще везде видны последствия страшной войны с фашизмом, браться за такое дело в Китае. Сколько же надо спроектировать, поставить сложного оборудования! Этим предстоит заниматься тысячам наших специалистов. Кроме того, мы еще недавно объясняли, что, объявив войну Японии — союзнице фашистской Германии, преследуем и цель возвратить Порт-Артур и другие владения, потерянные царской Россией во время русско-японской войны. А теперь мы их отдаем. Может быть, следует спросить об этом людей, а если не спросить, то хотя бы подготовить их к этому».

После выступления Ворошилова Хрущев, понимая, что отступления в таком принципиальном вопросе быть не может, стал жестко убеждать его и остальных членов Президиума ЦК в своей правоте. Он подчеркнул, что бывшие российские владения, о которых идет речь, расположены на исконно китайской земле и уже сейчас используются нами совместно и в интересах КНР, на основе соглашений об аренде. По Порт-Артуру такое соглашение было продлено по просьбе китайского правительства 15 сентября 1952 г.*

Хрущев подчеркнул, что никакие договоры о дружбе между странами не могут быть прочными, если они не будут строиться на крепком фундаменте деловых, взаимовыгодных и взаимобязывающих связей. «Мы упустили исторический шанс построить и закрепить дружбу с Китаем, если на таком важном этапе, когда КНР, празднуя свое пятилетие, обратилась к нам с просьбой помочь одолеть вековую отсталость, не поможем проведению в жизнь важнейших мероприятий в предстоящем пятилетии по социалистическому индустриальному развитию Китая», — твердо сказал он.

Хрущев выразил мнение, что без этого нет смысла ехать в Пекин такой высокопоставленной делегации СССР, выступать на торжествах, во Всекитайском Собрании народных представителей, вести переговоры с Мао Цзэдуном. «Мы не можем не заложить крепкий фундамент, не можем не подписать этих экономических соглашений. Мы и так перенесли ряд важных объектов на период после 1960 г., с чем китайцы могут еще и не согласиться», — убеждал он.

Другие члены Президиума ЦК выступили примерно в этом же плане, после чего Ворошилов встал и мрачно сказал: «Давайте, я проголосую». Он поставил свое «за» и подписался. На этом заседание закончилось.

Хрущев велел мне задержаться. Вручая папку с соглашениями, он сделал ряд несущественных замечаний и спросил, подозрительно глядя мне в глаза: «Не наговорил ли ты чего Ворошилову, когда ездил за визой?» Я ответил, что этого я не мог сделать, хотя бы потому, что Ворошилов не пожелал со мной беседовать. Однако подозрительность в глазах Хрущева не погасла.

27 сентября 1954 г., около 4 часов утра. Штабная часть аэродрома на Ленинградском шоссе. Усиленная охрана. Оставив машину у ворот, иду к самолету Микояна, который мне указали. Узнаю, что в Пекин летят 12 самолетов. Персональные лайнеры Ил-14 у Хрущева, Булганина, Микояна, Серова, Шверника и Фурцевой. В остальных самолетах — другие члены делегации и разные службы охраны и обеспечения делегации.

* Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 34. М., 1955. С. 191.

В салоне находился В. В. Смоляниченко, Микоян же отправился в самолет Хрущева для какого-то предотлетного разговора с ним. Через 10–15 минут вылет. Из рапорта командира самолета узнаем о намеченной посадке в Свердловске, там предстоит заправка, разминка, завтрак. Далее, к концу дня, Новосибирск. Ночевка с отдыхом, и на следующий день полет в Иркутск, где дозаправка, второй завтрак и к концу дня Пекин. Наконец вернулся Микоян. Все машины одна за другой идут на взлет. Летим навстречу солнцу. Анастас Иванович читает и ведет с нами философский разговор: что такое жизнь и зачем она на земле нужна, — как бы не замечая, что нам со Смоляниченко до смерти хочется спать. Подготовка визита стоила немало бессонных ночей. Все-таки как-то удается ускользнуть от заглядевшегося в иллюминатор Микояна в хвост самолета и мгновенно заснуть.

Проснулись мы от сильного толчка при посадке в Свердловске. Делегацию встречал А. М. Кутырев, первый секретарь Свердловского обкома, и небольшая группа местных работников. Они пригласили нас в здание аэровокзала позавтракать. На столах — отменные яства, всяческая снедь, выпивка и закуски. Однако вдруг Микоян попросил официанта принести сосиски и испытующе посмотрел на Кутырева. Официант в замешательстве не знал, что ответить. Дело было в том, что Микоян уже более двух лет вел безрезультатную борьбу с Кутыревым за организацию производства в Свердловске сосисок. Микоян упорно требовал сосисок, Кутырев мычал что-то невразумительное. И назревал крупный разговор.

На выручку свердловскому руководителю пришел Н. А. Булганин: «Что ты, Анастас Иванович, пристал к Кутыреву с сосисками! То, что в Свердловске делают отличные сосиски, все знают, выпускают их обычно во второй половине дня. А ты утром — давай сосиски, сосиски! Насел! Давайте лучше всем по хорошей рюмке коньяка. Всем нам надо расслабиться». Приглашением к рюмке воспользовались все. Позавтракав, простились со свердловчанами и полетели дальше.

К Новосибирску подлетели во второй половине дня. Приземлились на военном аэродроме и сразу же поехали на машинах через Обь и весь Новосибирск в лес, где находились дом отдыха и дачи обкома.

Погода стояла хорошая, но прохладная, поэтому тепло подогранных дач настраивало на отдых. Но Хрущев собрал всю делегацию поужинать и посоветоваться о завтрашнем дне в Пекине. Сопровождение за ужином было долгим.

До постели удалось добраться часам к 11. Сколько я спал, не знаю. Проснулся от боли в ноге. Кто-то из многочисленной сви-

ты министра внутренних дел генерала армии И. А. Серова крутил ее. Бесцеремонно разбудив меня таким образом, этот «кто-то» приказным тоном велел умыться и ехать на аэродром. «Ваши сумки с документами и вещи уже в самолете». Когда я поднялся по трапу в самолет, в нем уже были Н. Т. Федоренко и адъютант Серова. Последнего я хорошо знал по Берлину и радости от такого попутчика не испытал. Заместитель Берии Серов был представителем НКВД в СВАГ и причинил немало неприятностей и тогда Главноначальствующему СВАГ Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, и мне, его заместителю по экономическим вопросам.

Светало. Полковник, командир корабля, вышел из кабины, спросил, все ли в сборе, ничего ли не забыто. Так как ни я, ни Федоренко не знали, о каком сборе идет речь и что должно быть не забыто, мы промолчали. За нас ответил адъютант Серова: «Все в сборе, все в порядке, летим». Мы тут же взлетели и взяли курс на Иркутск.

Навстречу самолету из-за горизонта выползло огромное солнце. Сонливость пропала. Летели мы над тайгой почему-то низко. Спросили серовского помощника, что в картонных коробках. «Всего понемногу. Но если хотите есть, дам по паре бутербродов и "по одной небольшой" — больше не велено. В Иркутске на аэродроме в палатке накрыт стол, там крепко закусим перед Пекином, а пока получайте свой паек».

Федоренко вырос в Китае, когда его отец строил КВЖД, и рассказывал, как он мальчишкой бегал по улицам с китайскими ребятами. Мы с ним поговорили о предстоявших переговорах в Пекине. Затем я стал терзать его бесконечными вопросами, накопившимися у меня в результате месячного путешествия по Китаю по площадкам главных намеченных строек. Так за разговором мы и не заметили, как самолет пошел на посадку в Иркутске.

Приземлились мы в Иркутске на аэродроме. Вокруг самолета началась быстрая и четкая работа по его дозаправке, а нас повели к новой палатке, поставленной у посадочной полосы.

Там искусно был накрыт стол. Гостеприимные хозяева пожелали приятного аппетита, но попросили не разорять больших блюд. Мы поняли, что мы первые посетили палатку, и попросили, чтобы они сами положили нам на тарелки то, что мы захотим. Я приглядел изрядного омуля, его целиком и поставили передо мной на блюде. Сверху он казался нетронутым, но как только один из хозяев потянул за шкуру, она сползла и на блюде лежал полностью очищенный, порезанный на кусочки, жиром светящийся омуль. Ничего подобного я никогда в жизни больше не ел.

Однако «гурманство» наше было прервано вторым пилотом самолета. Он сказал, что приказано — быстро в воздух. Офицеры

Серова прихватили на дорогу уже приготовленные пакеты со снедью, и мы побежали к самолету.

Перелет Иркутск — Пекин проходил сложно из-за пыльной бури над пустыней Гоби. Впечатление было такое, что мы не летим, а плывем на фантастическом корабле по пустыне. Штурман корабля сообщил, что самолет достиг «потолка». Если моторы «хлебнут» воздуха с песком, будет плохо.

Моторы работали на пределе. Ощущение было не из приятных. Но вскоре из пилотской кабины появился штурман и сказал: «Пронесло. В Пекине хорошая погода». Все повеселели. Через некоторое время к нам в салон вышел и командир. «Подлетаем, видимость хорошая. Смотрите, право по борту Великая китайская стена. Отличный вид. Скоро посадка, а мне что-то не ясно, каким по очереди я сажусь». Он ушел к себе в кабину, а события стали развиваться следующим неожиданным образом.

Едва мы успели привести себя в порядок и подготовиться к посадке, как под нами оказался Пекинский аэропорт и самолет пошел на посадку. Командир лихо посадил его на полосе, недалеко от здания аэропорта, у которого стояла большая толпа. Я и Федоренко стали смотреть в иллюминаторы и увидели, что все встречавшие двинулись к нашему самолету. Федоренко первый сообразил, в чем дело, и ринулся в кабину к командиру лайнера: «Быстро отвалить в сторону!» «По радио нет никаких указаний», — сказал командир, но все же включил моторы. Встречавшие остановились, глядя, как наш самолет отъезжает от них подальше и останавливается. К нам, запыхавшись, подбежал какой-то человек, а за ним взмыленный посол СССР в КНР П. Ф. Юдин: «Где Хрущев!». Мы, конечно, ответили, что не знаем, вышли из самолета и пошли за ним к встречавшим. Только примерно через 20 минут по радио торжественно прозвучало: на посадку идет самолет Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущева. Мы оказались в числе встречавших.

Затем с небольшими интервалами также торжественно радио стало передавать, что на посадку идут самолеты Булганина, Микояна, Шверника. Как мы потом узнали, послать вперед наш самолет приказал Серов, не предупредив об этом никого. Китайская служба безопасности в результате очень обиделась на советскую. Наш самолет от Новосибирска и до Пекина являлся как бы «специальным авангардом» на случай нападения в воздухе или на земле. Об этой нашей функции знал только Серов и его адъютант. Так бредовая идея службы Серова привела к нарушению дипломатического протокола. Этот скандал имел бы еще больший резонанс, если бы не мгновенная реакция и решительные действия опытного Федоренко и сообразительность командира корабля.

После торжественной встречи в аэропорту советская делегация в полном составе и со специальным сопровождением двинулась в отведенную ей резиденцию. Она находилась недалеко от площади Тяньаньмынь за высоким красным каменным забором, где примерно в 10 двухэтажных коттеджах жили члены китайского правительства, кроме Мао Цзэдуна.

На всей территории росли низкорослые деревья, окруженные ювелирно обработанными клумбами. Несколько сбоку находилась столовая с небольшим кинозалом.

Для каждого члена советской делегации был предоставлен отдельный коттедж, в котором все было оставлено, как при его китайском хозяине (в одном из них даже чистые пеленки в ванной). Это символизировало: «Мой дом — твой дом».

Мы со Смоляниченко разместились в коттедже, отведенном для А. И. Микояна. Кому из китайских товарищей он принадлежал, спрашивать было неудобно и не у кого.

Когда все были размещены, Чжоу Эньлай встретился с полным составом делегации на площадке у коттеджа Н. С. Хрущева и спросил, какую кухню мы предпочтем — китайскую или европейскую, или ту и другую вместе. Посоветовавшись, Хрущев от имени всех заявил: «Отдадим предпочтение китайской кухне». После этого Чжоу Эньлай распорядился оставить только поваров китайской кухни. Пожелал приятного аппетита во время ужина, хорошего отдыха, попрощался и уехал.

Наступило время юбилейных торжеств по случаю пятилетия КНР и исторических переговоров на высшем уровне. 30 сентября в зале «Хуайженьтан» состоялось торжественное заседание, посвященное пятой годовщине образования Китайской Народной Республики. На голубом фоне празднично украшенной сцены — большой герб КНР и знаменательные даты: 1949–1954. В 7 часов 15 минут утра места в президиуме заняли встреченные бурной, продолжительной овацией руководящие деятели КНР во главе с Мао Цзэдуном. Вместе с ними в президиуме появляются горячо встреченные всеми присутствовавшими члены советской делегации Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Н. М. Шверник и главы других правительственных делегаций.

Председательствовавший Лю Шаоци предоставил слово Премьеру Госсовета КНР Чжоу Эньлаю, который, в частности, сказал: «Пять лет назад в результате длительной революционной борьбы китайский народ в конечном итоге свергнул господство иностранного империализма и гоминьдановской реакции и создал руководимую рабочим классом Китайскую Народную Республику. С тех пор китайский народ стал хозяином своей страны. Китайская

Народная Республика уже вышла на международную арену как великая мировая держава.

Перед нами стоит великая задача — превратить Китай в социалистическое государство, не знающее эксплуатации человека человеком и нищеты, и эту задачу мы непременно выполним. Для достижения этой цели нам необходимо приложить большие усилия, и в особенности в области социалистической индустриализации, с тем, чтобы превратить страну в великую социалистическую республику.

Мы должны также выразить сердечную благодарность великому Советскому Союзу, странам народной демократии и миролюбивым народам мира за оказанную нам помощь, благодаря которой наша страна могла за пять лет достичь многочисленных успехов. Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи⁵ тесно сплотил великий Советский Союз и Китайскую Народную Республику. Наш великий союзник Советский Союз оказал нам великодушную бескорыстную помощь, что явилось важным фактором, который способствовал победе нашего дела»*.

Затем слово было предоставлено Н. С. Хрущеву. Весь зал стоя, бурными аплодисментами приветствовал появление на трибуне руководителя советской правительственной делегации, который обратился к участникам заседания с большой приветственной речью. Он, в частности, сказал: «Коммунистическая партия Китая выдвинула перед китайским народом программу превращения Китая из страны аграрной в страну индустриальную, программу постепенного перехода к социализму, определила генеральную линию в переходный период, которая состоит в том, чтобы постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны, постепенно провести социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности, а также капиталистической промышленности и торговли.

В течение долгих лет лучшие люди Китая мечтали об индустриализации страны. Этим мечтам не дано было осуществиться в условиях реакционных режимов. Ныне китайский народ под руководством Коммунистической партии успешно решает задачи индустриализации страны. Это — единственно верный путь превращения Китая в могучую державу с процветающей экономикой.

По своему собственному опыту советские люди знают, что построение современной индустрии в стране, которой в наследие от прошлого досталась отсталая промышленность, дело сложное и трудное.

Советский Союз и Китайская Народная Республика наладили широкую систему экономических отношений. Во много раз воз-

* Правда. 1. X. 1954.

росла за последние годы торговля между СССР и Китаем. Советское правительство, по просьбе правительства Китайской Народной Республики, предоставило широкую помощь для осуществления планов экономического строительства Китая. До конца 1959 года Советский Союз примет участие в строительстве и реконструкции 141 крупного промышленного предприятия»*.

После приветствий народам великого Китая, переданных в выступлениях глав других правительственных делегаций, прибывших на пятилетие образования КНР, торжественно прозвучала в зале песня «Москва — Пекин»⁶.

По окончании торжественного заседания в 3 часа дня Председатель Китайской Народной Республики Мао Цзэдун принял советскую правительственную делегацию.

На приеме присутствовали Чжу Дэ, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чэнь Юнь, Дун Биу, Линь Боцзюй, Пын Дэхуай, Пын Чжэнь, Дэн Сяопин, Дэн Цзыхуэй, Ли Фучунь. Во время встречи была достигнута договоренность о том, что с членами советской делегации будут вести переговоры Премьер Госсовета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай, заместители премьера Чэнь Юнь, Пын Дэхуай, Дэн Сяопин, Дэн Цзыхуэй и Ли Фучунь. Переговоры велись с 1 по 11 октября. В переговорах также принимали участие Председатель КНР Мао Цзэдун, заместитель Председателя КНР Чжу Дэ и секретарь ЦК КПК Лю Шаоци. Они проходили в обстановке искренней дружбы и взаимопонимания.

Были заключены соглашения об оказании Советским Союзом помощи в индустриальном развитии КНР путем проектирования, поставок комплектного оборудования и оказания технической помощи в строительстве порядка 150 крупных предприятий; об осуществлении научно-технического сотрудничества между СССР и КНР путем обмена опытом во всех отраслях народного хозяйства; о строительстве железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата; по вопросу военно-морской базы Порт-Артур; по вопросу смешанных советско-китайских акционерных обществ.

В процессе переговоров обсуждались также вопросы советско-китайских отношений и международного положения, об отношениях с Японией и некоторые другие вопросы.

11 октября 1954 г. в Пекине в торжественной обстановке состоялось подписание этих соглашений.

Были заключены, в частности, соглашения: о предоставлении Правительством СССР Правительству КНР долгосрочного кредита в сумме 520 млн. рублей; об оказании Правительством

* Там же.

СССР помощи Правительству КНР в строительстве дополнительно 15 промышленных предприятий и увеличении объема поставок оборудования для 141 предприятия, предусмотренного в ранее подписанном соглашении; о дополнительных поставках оборудования из СССР общей стоимостью свыше 400 млн. рублей; соглашение о научно-техническом сотрудничестве*. Соглашение о строительстве железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата⁷ и об организации прямого сообщения предполагало, что обе стороны в ближайшее время начнут прокладку железной дороги от Ланьчжоу через Урумчи — на китайской территории, и до Алма-Аты — на советской территории. Строительство этой железной дороги на территории Китая берет на себя китайская сторона, на территории СССР — советская.

Соглашение о строительстве железной дороги от Цзинина до Улан-Батора и организации прямого сообщения предполагало, что указанная железная дорога будет соединена с железной дорогой, идущей от Улан-Батора до советской территории. Строительство железной дороги от Цзинина через Эрлянь до границы Китая берет на себя Правительство КНР, строительство железной дороги от Улан-Батора через Дзамын-Удэ до границы МНР правительства СССР и МНР. Три договаривающиеся правительства согласились полностью закончить строительство и соединение указанной железной дороги и организовать прямое сообщение в 1955 г.⁸

В 1950 и 1951 гг. по соглашениям между правительствами СССР и КНР были созданы на паритетных началах четыре смешанных советско-китайских общества: Общество по добыче цветных и редких металлов в Синьцзянской провинции КНР; Общество по добыче и переработке нефти в Синьцзянской провинции; Общество по строительству и ремонту судов в г. Дальнем и Общество для организации и эксплуатации гражданских воздушных линий.

Это было время, когда перед молодой Китайской Народной Республикой стояли задачи восстановления народного хозяйства. Образование советско-китайских обществ дало возможность наладить в короткие сроки работу предприятий, вошедших в состав этих обществ, существенно расширить их производственную мощность и поднять общий технический уровень, используя передовой советский опыт хозяйственного строительства. Тем самым смешанные общества играли важную положительную роль и внесли определенный вклад в дело восстановления и развития китайской экономики.

Но на высшем партийно-правительственном уровне было, однако, решено, что эти общества — пережиток капитализма.

* Правда. 12. X. 1954.

Н. С. Хрущев отказался от советской доли в подобных обществах практически во всех странах, где они существовали. Советская доля участия в смешанных советско-китайских обществах была полностью передана КНР с 1 января 1955 г. Стоимость этой доли возмещалась в течение ряда лет поставками в Советский Союз товаров, являющихся предметом обычного экспорта из КНР.

КЧЖД, Порт-Артур и Дальний в то время эксплуатировались совместно, т. е. были совместными экономическими зонами, и играли важную роль в развитии торгово-экономических связей. В ходе визита Н. С. Хрущева договорились, что советские воинские части выводятся из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур и сооружения в этом районе безвозмездно передаются правительству КНР. Вывод советских войск и передача сооружений в районе военно-морской базы Порт-Артур были завершены к 31 мая 1955 г.

Однако с конца 50-х годов в отношениях КНР с СССР все более открыто стали проявляться негативные тенденции, которые продолжали нарастать и углубляться.

Как в последнее время отмечали советские историки, импульсивная реакция Н. С. Хрущева и его резкие высказывания по адресу руководства КНР, внезапный, неожиданный отзыв всех наших специалистов из Китая внесли свой вклад в ухудшение советско-китайских отношений. Начался долгий период политической конфронтации, пограничных конфликтов, ожесточенной идеологической перепалки.

Думается, что при более взвешенном, разумном и экономически оправданном подходе к развитию хозяйственных связей с КНР всего этого могло не быть, во всяком случае в таких формах. Как специалист, непосредственно занимавшийся ими, стоявший, можно сказать, у их истоков, убежденно свидетельствую об этом.

Экономикой не должны заниматься дилетанты, доводившие свое собственное народное хозяйство до крайнего перенапряжения и застоя. Экономика, как известно, вообще не терпит «скачков вверх» и «прыжков вниз», широких дарственных жестов и тисков политических эмбарго. Невзаимовыгодные внешнеэкономические связи никогда не могут быть стабильными, в какой бы красивой политической или идеологической обертке их ни подавали. <...>

